

- POLIS. Politicheskie issledovaniia
- 2002-03-01PLS-№. 002
- Size: 72.0 Kbytes .
- Pages:82-99.
- Words: 8955

ГЕОПОЛИТИКА И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Автор: М. Евангелиста

От редакции. Представляемая ниже статья известного американского ученого, профессора Корнэлльского университета Мэттью Евангелисты открывает цикл публикаций, которые будут знакомить российских читателей с трудами западных исследователей по вопросам внешней политики и безопасности России и Евразии в целом. Идея данного цикла была подсказана "Полису" сотрудниками американского Центра стратегических и международных исследований, работающими в рамках программы "Новые подходы к изучению российской безопасности" ("PONARS"), которые взяли на себя отбор наиболее интересных материалов по данной проблематике и организацию их перевода на русский язык.*

На протяжении всего последнего десятилетия геополитика как наука вызывает громадный интерес в России. Этому обстоятельству можно найти много объяснений. Общепринятый в советскую эпоху классовый анализ международной политики фактически не оставлял места для учета геополитических факторов, хотя в практической политике к ним относились гораздо более серьезно. В 1960-е годы советские ученые, познакомившись с западной литературой о международных отношениях, стали обращаться к таким понятиям, как баланс сил [Zimmernan 1969]. Однако, когда официальный советский дискурс наконец отказался от формул классового противостояния, на смену им пришла вовсе не Realpolitik или геополитика. Напротив, при М. Горбачеве и его министре иностранных дел Э. Шеварнадзе внешнеполитический дискурс стал отражением "нового мышления" - подхода, который, усвоив язык общечеловеческих ценностей и норм, преуменьшал значение физической силы и географического фактора. В нынешнем интересе к геополитике можно увидеть реакцию на то, что некоторые называют наивным романтизмом и крайностями горбачевско-шеварнадзевской позиции, в определенной мере сохранявшимися и в первые годы правления Б. Ельцина. Вместе с тем не исключено, что геополитический подход - просто самый оптимальный способ постижения долговременной эволюции государств в международной системе.

В настоящей статье критически разбирается одна конкретная геополитическая теория и степень ее приложимости к российским реалиям. Эта теория разработана американским социологом Р. Коллинзом, отталкивавшимся от работ М. Вебера. Коллинз считает обоснованным обращение к теории геополитики, веря, что она во многом проясняет то, как в конечном счете разворачивались события. Он также убежден в том, что, несмотря на риторику сторонников "нового мышления",

реформы горбачевской эры были вызваны к жизни в первую очередь геополитическими факторами и что именно последние сыграли решающую роль в распаде Советского Союза ** .

* Программа "Новые подходы к изучению российской безопасности" ("PONARS") была открыта в феврале 1997 г. в целях создания сети ученых, занимающихся проблемами евразийского региона и готовых к сотрудничеству и междисциплинарному взаимодействию, а также расширения предметных рамок изучения международных отношений за счет привлечения факторов, выходящих за пределы геополитики и силового могущества. С дополнительной информацией о Программе и некоторыми публикациями ее участников можно познакомиться на веб-сайте: www.cfis.org/ruseura/ponars.

** Я благодарен Г. Дерлугьяну, который поделился со мной своей восторженной оценкой исследования Р. Коллинза. Прогнозы Коллинза о конце Советского Союза обсуждаются в статье Т. Хопфа [см. Norf 1993].

стр. 82

Более того, Коллинз сформулировал свою геополитическую концепцию, приложил ее к Советскому Союзу и предсказал развал СССР за несколько лет до того, как к власти пришел Горбачев. Несомненная точность этого прогноза, как и общее изящество теории Коллинза, - те причины, по которым я поставил последнюю в центр данного исследования.

В первой части статьи я дам обзор геополитической теории Коллинза и напомним о его прогнозах по поводу Советского Союза. Вслед за тем я попытаюсь оценить предлагаемое им объяснение распада СССР и укажу на ряд недостатков этого объяснения, опираясь в своих замечаниях в основном на работу Г. Дерлугьяна. Двигаясь таким путем, я более детально рассмотрю соотношение между концепцией Коллинза и ее источниками в веберовских сочинениях о национализме и политической власти. Затем я на время абстрагируюсь от своих сомнений в верности коллинзовской интерпретации концепции Вебера, чтобы рассмотреть вопрос о том, какие следствия для будущего РФ вытекают из геополитической теории Коллинза. Наконец, я воспроизведу некоторые идеи Вебера, дабы, подкрепив их прозрениями Дерлугьяна относительно причин крушения Советского Союза и соображениями, высказанными Т. Хопфом в его недавней работе об идентичности и российской внешней политике, предложить иные варианты будущего России.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И КОНЕЦ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В сочинениях социолога Р. Коллинза представлена, вероятно, наиболее интересная и хорошо разработанная теория геополитики. Развивая идеи Вебера, исследователь формулирует свою точку зрения об истоках национальной интеграции и

дизинтеграции, обнаруживая их по преимуществу в сфере материальных факторов, таких как военная мощь и географическое положение. При создании своих геополитических концепций ученый вдохновлялся прежде всего веберовским "Хозяйством и обществом", в особенности главой 9, посвященной политическим сообществам. Согласно Коллинзу, Вебер пытался показать, "что ключевые внешние факторы развития государств не экономические, а военные - геополитические в самом широком смысле". Отстаиваемая и реализуемая Коллинзом исследовательская программа заключается в том, чтобы "собрать воедино и усовершенствовать знания, почерпнутые из геополитической теории, - о причинах и следствиях взаимодействия государств в военном аспекте, - делая особый упор на такое их расширение, которое бы позволило связать их с внутренней политикой" [Collins 1986: 2-3].

В 1978 г. Коллинз выдвинул несколько общих положений, касающихся территориальной экспансии и сжатия государств. На этом этапе он еще мало что мог сказать по поводу Советского Союза. Вместо этого, иллюстрируя применимость своих обобщений к "непосредственной ситуации в мире", ученый указывал на положение Соединенных Штатов после войны во Вьетнаме как на образец реализации принципа связи между "чрезмерным расширением и дезинтеграцией" [Collins 1978]. Коллинзовская оценка Соединенных Штатов отвечала "упадочным" настроениям того времени и не казалась неожиданной * .

Но когда два года спустя, в 1980 г., Коллинз, формализовав свои принципы и придав им количественную форму, приложил их - на этот раз к Советскому Союзу, полученные им выводы полностью шли вразрез с общепринятой точкой зрения ** . В конце 1970-х - начале 1980-х годов многие амери-

* Среди работ, отразивших подобные настроения, наибольшей популярностью пользовался бестселлер П. Кеннеди [Kennedy 1987].

** Текст, в котором Коллинз сформулировал эти выводы ("Грядущий упадок Российской империи"), написанный в 1980 г. и представленный на проходивших в том же году научных конференциях, был опубликован в 1986 г. [см. Collins 1986: ch. 8]. Ретроспективное воспроизведение взглядов исследователя на гибель СССР см. Collins 1999a: 37-69. (См. также русский перевод другой статьи Коллинза, посвященной той же теме: Коллинз 2000: 234-278. - *Пер.*)

канские политические деятели и группы интересов выражали тревогу в связи с якобы неостановимым наращиванием советской военной мощи, таящим в себе угрозу для Соединенных Штатов и их союзников. Р. Рейган, обещавший покончить с тем, что он называл "относительным упадком военного могущества страны по сравнению с Советским Союзом", был избран в 1980 г. президентом США. Коллинз пришел к совершенно иным заключениям. Он предвидел наступление в

СССР периода нестабильности, частично обусловленного чрезмерным военно-имперским расширением этой державы. В долгосрочной перспективе такая нестабильность могла привести к дезинтеграции "Российской империи", в т.ч. к утрате Советским Союзом контроля над Восточной Европой и к его собственному распаду.

Коллинз предсказывал серию восстаний [против советского режима], способных вызвать к жизни феномен "спускового крючка", когда атмосфера кризиса "стимулирует появление движений за независимость в нескольких местах одновременно, а успех любой из стран-сателлитов, сумевшей вырваться на свободу, резко повышает вероятность того, что ряд соседних стран тоже добьются самостоятельности" [Collins 1986: 202]. Коллинз вовсе не ожидал, что "начальный толчок к изменениям" даст этнический протест внутри самого Советского Союза. Он предвидел другое - что "разложение центральной власти российского государства" окажется "предварительным условием возникновения мощных этносепаратистских движений". Ученый отмечал, что "формальный механизм расчленения Советского Союза уже имеется" - в виде 15 союзных республик, обладающих номинальной автономией и собственными государственными институтами. Эта федеративная структура, будучи лишена всякого значения при сильном центральном правительстве, "поддерживает этнические идентичности и в то же время обеспечивает организационные рамки, которые позволяют образоваться действительно независимым государствам, как только власть центра всерьез ослабнет". Коллинз полагал, что прогнозируемая им "дезинтеграция Советского Союза, вероятнее всего, произойдет под водительством инакомыслящих коммунистических политиков" и что "благоприятные структурные возможности побудят некоторых коммунистических руководителей объединиться с региональными этническими группами" [Collins 1986: 204, 207].

Многое из анализа Коллинза кажется сегодня удивительно точным и прозорливым. Конечно, распад СССР предсказывали и другие наблюдатели. Но в отличие от А. Амальрика, ожидавшего, что он станет результатом войны с Китаем [Amalrik 1970] или Э.Каррера д'Анкосса, которая усматривала его истоки в восстании исламских республик СССР [Carriere d'Encausse 1978], Коллинз по большей части указывал на истинные причины произошедшего коллапса. Основной недостаток коллинзовского прогноза заключался в его временных параметрах. По предположению ученого, для дезинтеграции Советского Союза должно было потребоваться много десятилетий.

Но если коллинзовское понимание долговременного процесса государственного распада в целом верно, хотя исследователю и не удалось определить его точные хронологические рамки, то возникает вопрос о финальной точке данного процесса. Поскольку Россия, как и Советский Союз, частично состоит из выделенных по этническому принципу "автономных республик", будут ли установленные Коллинзом геополитические и иные факторы работать на дальнейшее разрушение РФ? Или же имеются какие-то амортизаторы - зафиксированные самим Коллинзом либо нет, - которые способны предотвратить подобный исход?

Прежде чем мы сможем ответить на эти вопросы, нам нужно более тщательно рассмотреть коллинзовский анализ по трем измерениям: (1) фундаментальные постулаты этой модели в приложении к истории Российской империи на длительном временном этапе; (2) применимость модели к краху Советского Союза; (3) ее источники в социальной теории Вебера, а также (что нельзя исключить) упущенные Коллинзом аспекты веберовских размышлений.

стр. 84

ГЕОПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Коллинз перечисляет пять геополитических принципов [в которых фиксируются факторы], влияющие на "расширение, сжатие или стабильность государственных границ в течение длительных периодов времени" [Collins 1986: 186]. Эти принципы касаются главным образом способности государства к ведению войн и контролю над своим населением.

1. *Преимущество в размерах и ресурсах.* "При прочих равных условиях в войнах побеждают крупные и богатые ресурсами государства; поэтому они расширяются, тогда как более мелкие и бедные - сжимаются".

2. *Преимущество в расположении.* "Государства, граничащие с мощными в военном плане странами на меньшем количестве направлений, т.е. 'окраинные' (marchland), находятся в выигрышном положении по сравнению с государствами, имеющими могущественных соседей на большем количестве направлений, т.е. с 'сердцевинными' (interior)".

3. *Фрагментация сердцевинных государств.* "Сердцевинные территории, сталкивающиеся с противниками на нескольких фронтах, в долгосрочной перспективе имеют тенденцию дробиться на все возрастающее число мелких государств".

4. *Решающие войны (showdown wars) и переломные моменты.* По мере того как окраинные государства (с немногими мощными в военном отношении соседями) захватывают и инкорпорируют в себя распадающиеся сердцевинные страны, они уничтожают буферные зоны и в конечном счете вступают в конфликт с другими окраинными государствами. В такой переломный момент либо одно из окраинных государств добивается преимущества в решающей войне и устанавливает "мировую" империю, либо возникает патовая ситуация. В последнем случае взаимное истощение таких государств обычно ведет к ослаблению их влияния на зависимые от них страны и "геополитическая система начинается снова дробиться".

5. *Чрезмерное расширение и дезинтеграция.* Даже "мировые" империи могут подвергнуться "ослаблению и длительному упадку", если достигнут чрезмерного, с военной точки зрения, расширения. Чрезмерность расширения иногда обуславливается *экономическими* причинами, т.е., согласно Коллинзу, высокими "транспортными расходами на ведение военных действий в слишком сильном отдалении от надежных источников обеспечения". Но она может иметь и *политические* причины, описываемые ученым как "напряжения, связанные с поддержанием лояльности населения, проживающего более чем через одну этническую границу от этнического ядра метрополии, и боевого духа расположенных там войск" [Collins 1986: 187-191].

Следует отметить, что в основе предлагаемой Коллинзом геополитической системы координат лежал проведенный им (и Вебером) разбор тысячелетней истории "международных отношений" между странами, которые по преимуществу являлись мультиэтническими империями и были заняты в первую очередь ведением войн. Поэтому он делает упор на военно-экономические факторы и политический контроль в его этническом преломлении.

Свой анализ, приведший к заключению о грядущем упадке "Российской империи", исследователь начинает с подъема Московии, датируемого концом XIV в. Этот подъем, по мнению Коллинза, объяснялся превосходством Московского княжества в размерах и ресурсах, а также его положением окраинного государства, противостоявшего более слабым соседям. Используя грубые количественные индикаторы, Коллинз обнаружил, что в XX столетии, когда противники Советского Союза значительно усилились в военном и экономическом отношении, эти преимущества исчезли. Более того, с возрождением после второй мировой войны сильной Европы и неуклонным нарастанием мощи Китая страна утратила положение окраинного государства. В соответствии с коллинзовской системой рассуждений, в долгосрочной перспективе Россию как сердцевиное государство ожидает фрагментация, которая, будучи запущена военным поражением или политическим кризисом, "продолжится в течение XXI и XXII вв." [Collins 1986: 195-196].

стр. 85

Коллинз рассматривал холодную войну между США и СССР в качестве переломного момента с двумя возможными исходами: "Одной из альтернатив является победа какой-либо стороны над другой и установление мировой империи; второй - возникновение патовой ситуации, которая в конечном счете приведет к истощению двух великих держав и возобновлению роста независимых государств за пределами структуры принудительных коалиций" [Collins 1986: 197]. В начале 1980-х годов ученый полагал, что на его глазах начинается вторая альтернатива. Десятилетие спустя многим наблюдателям стало казаться, что

реализовалась первая - холодная война завершилась победой Соединенных Штатов.

Как бы то ни было, Коллинз предрекал либо поражение России, либо ее упадок. Критический момент для центральной власти должен был наступить вместе с чрезмерным расширением страны - возможно, более чем в одном направлении. К 1980 г. российские войска уже увязли в Афганистане, а подъем профсоюзного движения "Солидарность" предвещал нестабильность и Восточной Европе. Впрочем, в этом пункте своего рассуждения Коллинз зашел несколько дальше разумного, предсказав, что внутренние неурядицы склонят СССР к "военной интервенции в Иран, Ирак или на Аравийский полуостров" [Collins 1986: 202] - в то время подобная "страшилка" была популярна среди правых кругов США. Значение такого рода интервенции для теории Коллинза, в принципе сфокусированной на феномене военной экспансии мультиэтнических империй, заключалось в том, что она должна была привести к "чрезмерному расширению значительного масштаба с 'перескоком' через две или более внутренние этнические территории за пределами русского этнического ядра" [Collins 1986: 202]. Однако все это уже имело место и после вторжения в Афганистан. Первоначально проникновение советских войск в эту страну осуществлялось с территории среднеазиатских республик, причем в состав военного контингента входили и резервисты нерусского происхождения. Власти СССР были обеспокоены ставшими им известными планами коммунистического руководства Афганистана преобразовать эту страну в федерацию советского типа, где этнические республики таджиков и узбеков граничили бы с соответствующими частями Советского Союза. Советские лидеры, очевидно, опасались, что трансграничная идентификация этнически родственного населения двух стран подорвет позиции центральной власти в Москве (и в Кабуле) [Mendelson 1998: 50-51; о подробностях вторжения см. Garthoff 1994: ch. 26].

Таким образом, более чем за 10 лет до распада Советского Союза Коллинз составил правдоподобный сценарий будущего краха, базирующийся на принципах геополитики и этнополитики. По своим внешним характеристикам этот сценарий, по-видимому, соответствует тому, что произошло на самом деле. Но прежде чем говорить о том, может ли модель Коллинза поведать нам о будущем РФ, следует подвергнуть ее более тщательному рассмотрению.

ПРИЧИНЫ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Самое уязвимое место в концепции Коллинза - чрезмерное акцентирование в ней военно-территориальных аспектов государственной политики. Несомненно, то обстоятельство, что Советский Союз окружали враждебные соседи (и даже враждебные союзники), способствовало напряжению его хозяйственных ресурсов и - в конечном счете - упадку центральных властных институтов, представляющему, согласно Коллинзу, предпосылку имперской дезинтеграции. Однако безопасность страны не требовала столь дорогой цены. В эпоху ядерного оружия ориентация Советского Союза на дорогостоящие танковые армии в духе второй мировой войны обуславливалась сознательным выбором его руководства, а не необходимостью. Во

время каждого из двух важнейших периодов реформ в послевоенной истории страны советские лидеры - Н. Хрущев и М. Горбачев - осуществляли масштабные сокращения вооруженных сил, причем безо всякого ущерба для государственной безопасности [Evangelista 1999a: ch. 5, 14].

стр. 86

Дабы укрепить макроисторические основания своего анализа, Коллинз сознательно принижает значение переворота в военном строительстве, связанного с появлением ядерного оружия, не веря в его революционность: "Если бы Соединенные Штаты и Советский Союз захотели развязать ядерную войну, то это была бы отнюдь не беспрецедентная, но типичная решающая война, ведущая к разрушению обеих соперничающих империй, базирующихся на окраинных территориях, и выходу на сцену новой группы разнообразных государств, а со временем - и новых великих держав, начавших свой рост из какой-то другой части планеты" [Collins; Waller 2000: 55]. Подобная оценка игнорирует многочисленные данные науки, полученные в 1980-е годы и ранее (например, о феномене "ядерной зимы"), свидетельствующие о том, что "решающая" война с применением ядерного оружия может сделать необитаемой большую часть земного шара, а не только территории "окраинных" империй. Воистину это было бы беспрецедентным событием.

Уязвимость позиции Коллинза становится очевидной при сравнении его геополитической теории с подходами, опирающимися на более глубокое знание состояния дел в Советском Союзе. Подобного рода альтернатива коллинзовской концепции была предложена Г. Дерлугьяном, исследователем, не без симпатии относящимся к геополитическим штудиям (и поклонником, в частности, работ Коллинза).

Для начала познакомимся с точкой зрения этого автора на военно-стратегическое соперничество и фактор ядерного оружия. Дерлугьян доказывает, что ядерные вооружения, несмотря на свою "символическую значимость", ведут к тупиковой ситуации "в межгосударственном соперничестве. Советскому Союзу была навязана конкуренция в невоенных областях - экономическом, политическом, культурном и идеологическом производстве, где значительные преимущества Америки не оставляли ему никаких шансов на победу" [Дерлугьян 2000: N 2, 29]. СССР в основном обеспечил свою территориальную безопасность в традиционном ее понимании (вот почему Горбачев мог позволить себе пойти на многочисленные односторонние инициативы в сфере ограничения вооружений), но в послесталинскую эпоху от советских руководителей и от советского общества требовалось уже нечто большее.

Как отмечает Дерлугьян, начиная с 1960-х годов "госсоциалистические органы планирования уже не могли опереться на сталинские методы, позволявшие приносить в жертву громадные материальные ресурсы и множество человеческих

жизней ради достижения поставленных целей", ибо "сами цели существенно усложнились, выйдя за рамки простого создания арсенала произведенных промышленным способом вооружений" [Дерлугьян 2000: N 3, 18]. Советские граждане рассчитывали на повышение уровня своей жизни (и выдвигали соответствующие требования). "Население больше не было преимущественно крестьянским с присущими тому низкими потребительскими ожиданиями и высокой рождаемостью; его основную часть составили городские рабочие и служащие с очень невысоким уровнем рождаемости и потребительскими ожиданиями, быстро приближавшимися к широко разрекламированным образцам массового потребления в странах капиталистического ядра" [Дерлугьян 2000: N 3, 18-19]. Таким образом, согласно Дерлугьяну, наиболее трудной для советского руководства задачей было не поддержание территориальной безопасности, а сохранение лояльности "советского населения, чьи социодемографические характеристики значительно изменились в ходе развития государственного социализма". В этом смысле Красная Армия была разбита не столько НАТО и "Звездными войнами", сколько рок-музыкой и синими джинсами [Дерлугьян 2000: N 2, 29; N 3, 18].

И Дерлугьян, и другие исследователи, конечно, не сомневаются, что напряжение, вызванное чрезмерным расширением, способствовало сужению внешнеимперского пространства Советского Союза, однако причины дезинтеграции СССР представляются им более сложными [см., напр. Випсе 1985]. В своих попытках связать крушение государства с чрезмерным расширением Кол-

стр. 87

линз делает значительный упор на этнический аспект проблемы, указывая, со ссылками на множество исторических примеров, на сложность поддержания линий коммуникаций и материально-технического обеспечения войск поверх более чем одной внутренней этнической территории. Прямо не характеризуя Советский Союз как "тюрьму народов", он фактически намекает на это, называя его "Российской империей" [о царской России как о "тюрьме народов" см. Саггере d' Encausse 1978: ch. 1]. И хотя необходимым условием распада советской федерации Коллинз считает разложение центральной власти, он акцентирует прежде всего существовавшие в стране этнические различия.

Выдвигая "геополитическую теорию этнических изменений", Коллинз пытается связать военные успехи и экспансию с внутренней социетальной сплоченностью и однородностью. Согласно его модели, преуспевающие державы опираются на "интенсивное институциональное проникновение государства в общество" в целях военной мобилизации. "В сильном с геополитической точки зрения государстве разрозненные этнические идентичности теряют свой мобилизующий потенциал". "Геополитическое доминирование государства на международной арене увеличивает престиж могущества главенствующей этнической группы внутри

него", способствуя тем самым социетальной однородности и сплоченности [Collins 1999b: 84-87].

Ключевой недостаток характерной для Коллинза концентрации внимания на этнических делениях и слишком растянутых линиях коммуникаций заключается в том, что при подобном подходе затемняется роль России и русских в крушении СССР. На деле сама Россия (в виде РСФСР - одной из 15 образовывавших СССР республик) под руководством Б. Ельцина фактически отделилась в 1991 г. от Советского Союза. В качестве участников народных фронтов этнические русские играли важную роль даже в наиболее решительных и правомерных, с точки зрения закона, кампаниях за отделение - в Эстонии, Литве и Латвии [Hanson 1999; Alexseev 2001: 101- 106]. Очевидно, что множество русских по всему Советскому Союзу выступали против гиперцентрализованной, находившейся под властью коммунистов системы по причинам, не имеющим отношения к этнополитике и чрезмерному расширению.

В этом смысле предложенная Дерлугьяном трактовка крушения Советского Союза убедительнее коллинзовской. Признавая важность геополитического соперничества с Соединенными Штатами, Дерлугьян не считает этот фактор определяющим и не акцентирует его территориальный аспект. Он далек и от того, чтобы анализировать распад государства лишь с этнической точки зрения. Согласно его позиции, для Советского Союза были характерны "корпоративные органы двух типов", контролировавшиеся *номенклатурой* - государственными чиновниками, утвержденными руководством Коммунистической партии. К первому относились всевозможные территориальные образования, в т.ч. 15 союзных республик (анализ Коллинза учитывает исключительно их). Ко второму - "внетерриториальные производственные агломерации (государственные концерны и синдикаты) и разнообразные министерства, осуществлявшие руководство совокупностью экономических отраслей и государственных институтов, начиная с обороны и кончая образованием" [Дерлугьян 2000: N 3, 21].

Подобно Коллинзу, Дерлугьян указывает на коллапс центральной власти, но, в отличие от Коллинза, который просто ссылается на такой поворот событий, Дерлугьян действительно его объясняет. С его точки зрения, советское государство рухнуло в тот момент, когда от него отвернулась номенклатура среднего звена. Горбачев пытался реформировать советское общество и экономику страны, стараясь преодолеть застой брежневской эпохи посредством раскрепощения гражданской инициативы в виде различных народных движений. Его политика гласности и перестройки была нацелена на то, чтобы встряхнуть автономный от общества класс российского чиновничества, подвергнув его испытанию выборами и рыночной конкуренцией [Дерлугьян 2000: N 3, 20]. Но общественные силы вышли из-под контроля Горбачева еще до того, как он смог довести до конца свои реформы, причем настолько, что он,

по его собственным воспоминаниям, начал видеть в неформальных движениях скорее "оппозицию", чем союзников [Горбачев 1995: 412, 514]. Как пишет Дерлугьян, "прежде чем Горбачеву удалось создать новый режим, находившиеся у него в подчинении слои номенклатуры предали его и, нарушив два основополагающих табу номенклатурного поведения, приняли участие в национальных движениях и в частном накоплении" [Дерлугьян 2000: N 3, 20]. Да, некоторые коммунистические элиты (как и предсказывал в 1980 г. Коллинз) связали себя с делом национализма - но лишь в тех случаях, когда занимаемые ими позиции в управлении регионами открывали перед ними благоприятные возможности. Другие представители среднего звена коммунистической элиты - те, которые имели доступ к внутритерриториальным экономическим ресурсам, - отказались от этнонационализма в пользу различных версий коррупционного капитализма [Solnick 1998: 1998].

Таким образом, распад Советского Союза был не только геополитическим феноменом, обусловленным проблемами военного характера. Крушение центральной государственной власти действительно имело решающее значение, но оно, в свою очередь, объяснялось отношением, прежде всего - представителей элиты, к институтам советского режима. Когда стало ясно, что эти институты оставляют желать лучшего, особенно в плане обеспечения экономических благ, которыми, очевидно, в гораздо большей степени изобиловал Запад, они перестали вызывать поддержку даже самой правящей номенклатуры. "Общественный договор" брежневской эпохи, в соответствии с которым элементарный уровень материального благополучия покупался ценой гражданских свобод, не пережил горбачевских преобразований, а заменить его оказалось нечем. Но возникает вопрос: обусловлена ли недооценка Коллинзом того аспекта стабильности советской системы, который определялся подобным "общественным договором", опорой ученого на теорию Вебера, или нет?

ВКЛАД ВЕБЕРА В ГЕОПОЛИТИКУ

Обращаясь к размышлениям Вебера о связи между военной экспансией, "престижем могущества" и национальной либо этнической сплоченностью, прежде всего нужно отметить, что они весьма предварительны и фрагментарны. Многие из того, что превращает веберовские идеи в геополитическую теорию, состоит из экстраполяции самого Коллинза. Впрочем, развивая Вебера, Коллинз, похоже, оставляет в стороне ряд аспектов его теории - в первую очередь, веберовское акцентирование роли материально-экономической мотивации в поведении людей, не говоря уже о более известных рассуждениях ученого о политическом лидерстве.

Вебер начинает раздел, посвященный политическим сообществам, с пространного обсуждения вопроса об использовании организованного насилия для достижения экономических целей. Переходя к теме "престижа могущества" (*Machtprestige*), он изображает феодальных господ в качестве "основных и естественных выразителей"

"стремления добиться для собственной политической структуры престижа, строящегося на силе". Для феодального вассала - и здесь Вебер упоминает папу Урбана, инициировавшего крестовые походы - "расширение могущества означает приобретение новых объектов для владения и лучшее обеспечение своих наследников". За стремлением к могуществу современных государственных деятелей тоже стоят материальные мотивы: "Для чиновника и должностного лица расширение могущества означает больше мест во власти, больше sinecur, лучшие возможности для продвижения по службе" [Weber 1978: 911].

Только обсудив экономическую и материальную мотивацию ("помимо и за пределами этих непосредственных экономических интересов, которые, что естественно, повсеместно распространены в слоях, живущих за счет осуществления политической власти"), Вебер обращается к "жажде престижа". Очевидно испытывая известные затруднения в определении данного концепта, он сначала

стр. 89

ла характеризует его в негативных терминах - через то, чем он не является [выделенные курсивом высказывания см. Weber 1978: 911]. *"Эта жажда не тождественна 'национальной гордости' - об этом я скажу чуть позже - и не идентична обычной гордости за какие-то выдающиеся качества, действительные либо вымышленные, своего политического сообщества или просто за обладание подобным государственным устройством. Такая гордость может быть высоко развита, как, например, у швейцарцев или норвежцев, и вместе с тем быть строго изоляционистской, свободной от претензий на политический престиж"*.

Затем Вебер определяет престиж могущества как то, чего пытаются добиться "великие державы": *"Престиж могущества' означает на практике славу, которую несет с собой власть над другими сообществами, он означает расширение могущества, хотя не всегда посредством инкорпорации или подчинения. Крупные политические сообщества - естественные выразители такого рода претензий на престиж"*.

На этой стадии рассуждений определение "престижа могущества" оказывается почти тавтологически связанным с самим существованием великих держав: *"Любая политическая структура, естественно, предпочитает иметь слабых, а не сильных соседей. Мало того, поскольку каждое крупное политическое сообщество является потенциальным претендентом на престиж, оно представляет собой и потенциальную угрозу для всех своих соседей"*.

Этими замечаниями Вебер, безусловно, закладывает основу коллинзовской теории с ее упором на геополитическое соперничество и баланс сил. Но есть ли у него что сказать о национализме и этнической сплоченности? Хотя ученый и обещает, в процитированном выше фрагменте, поговорить "позднее" о том, как "национальная

гордость" связана с жаждой престижа, ему так и не удалось сообщить об этом много - по крайней мере, много того, что было бы вполне ясным.

Описывая "привилегированные слои общества", Вебер отмечает, что "они включают в себя в первую очередь всех тех, кто считает себя специфическими 'агентами' специфической 'культуры', распространенной среди членов политики. Под влиянием этих кругов, неприкрытый 'престиж могущества' неизбежно трансформируется в другие особые виды престижа и главным образом в идею 'нации'" [Weber 1978: 922]. И хотя несколькими страницами раньше Вебер подчеркивал, что стремление страны к престижу "не тождественно 'национальной гордости'", здесь он высказывает предположение, что "идея нации находится для ее защитников в очень тесной связи с 'престижными' интересами. Самые ранние и энергетически насыщенные манифестации этой идеи в той или иной форме содержат, пусть даже завуалированно, легенду о провиденциальной 'миссии'" [Weber 1978: 925].

Вебер близок к тому, чтобы связать роль националистических лидеров с могуществом государства, но его мысль так и не находит завершения: "Те, кто узурпирует ведущие позиции в объединенном культурой сообществе (Kulturgemeinschaft)... особо предпосланы к распространению 'национальной' идеи. Это происходит, когда такие агенты культуры ..." [Weber 1978: 926]. Здесь рукопись - одна из многих, которые легли в основу посмертно опубликованного сборника "Хозяйство и общество" - в буквальном смысле обрывается. Редакторы включили в том несколько записей, набросанных Вебером на полях. Эти пометки указывают на планы дальнейшей работы, которые ученому так и не удалось реализовать: "Престиж культуры и престиж могущества тесно взаимосвязаны. Каждая *победоносная* война повышает престиж культуры - Германия (1871), Япония (1905) и т.д." [Weber 1978: 926].

Если геополитическая теория Коллинза имеет веберовские корни, то ее источником, по-видимому, является предположение Вебера, что победоносная война увеличивает престиж культуры доминирующей в стране национальной группы и - тем самым - ее легитимность. Коллинз абсолютно однозначно формулирует данное обобщение: "Государство сохраняет свою внутреннюю легитимность в той мере, в какой оно может использовать свое внешнее

стр. 90

могущество против угрожающих ему стран-конкурентов... Государство с высоким престижем по отношению к другим государствам обеспечивает себе больший уровень легитимности в своих претензиях на повиновение собственного населения" [Collins 1986: 158] * .

Тезис о взаимозависимости между внешним геополитическим успехом и внутренней интегрированностью нации находит некоторое подтверждение в советской истории. Обратимся к воспоминаниям о военном времени Л. Копелева, узника сталинских лагерей и прототипа Рубина в романе А. Солженицына "В круге первом": "Еще долго я оставался неисправимым 'красным империалистом'. В моем сознании вызрел весьма типичный для той поры симбиоз советского патриотизма и русского национализма. Едва ли ни главным доказательством гениальности Сталина служили мне державные завоевания. Ведь мы все вернули, что утратили от прежней великой России, и еще добавили. От Эльбы до Китайских морей размахнулись. Все это - реальные победы, и победителей не судят" [Копелев 1991: 40].

Позднее Копелев, ставший диссидентом и высланный в Западную Германию, пришел к более ясному пониманию роли пропаганды в соотнесении советских внешнеполитических успехов с режимом, испытывавшим крайний дефицит иных источников легитимности **. И, конечно, для многих подданных Сталина (и не в последнюю очередь - для чеченцев) военные успехи вряд ли могли восполнить нелегитимность режима.

В любом случае от коллинзовского вывода о глубинной взаимосвязи между нарастанием геополитических успехов и внутренней межэтнической сплоченностью не следует полностью отказываться. Однако, как мы знаем из работы Дерлугьяна, источники легитимности сталинизма, каковы бы они ни были, не пережили брежневской "эпохи застоя" и экспериментов горбачевской перестройки. Давайте, тем не менее, оставим в стороне все эти соображения и по-прежнему будем принимать заключения Коллинза на веру. Признав на время наличие взаимосвязи между геополитическим успехом и внутренней сплоченностью и легитимностью, что мы можем сказать о будущем РФ?

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ

Вероятно, воодушевленный очевидным успехом собственных прогнозов относительно упадка Советского Союза, Коллинз вместе со своим соавтором Д. Уоллером попытался в начале 1990-х годов предсказать дальнейшее развитие событий на постсоветском пространстве. Прежде всего они еще раз повторили свои исходные постулаты: (1) Советский Союз был "продолжением экспансионистской геополитической траектории Российской империи"; (2) "в XX столетии геополитические преимущества России сошли на нет"; (3) именно усилия М. Горбачева по снижению "чрезмерного с точки зрения материально-технического обеспечения войск расширения" посредством сокращения военных обязательств "привели к быстрой делегитимации правящего слоя" и в конечном счете - к распаду СССР [Collins, Waller 1994: 120; см. также Waller 1992].

Затем Коллинз и Уоллер высказали свои соображения о том, что изменилось с возникновением меньшего по размерам российского государства, окруженного более слабыми соседями. Они утверждали, что Россия "в средне- или долгосрочной

перспективе будет в состоянии обрести доминантный по отношению к своим соседям престиж могущества" и что она вернулась к "чему-то, более сходному с благоприятным для нее окраинным положением времен Петра" [Collins, Waller 1994: 120]. Единственное отмеченное ими исключение в плане выигрешности геополитической позиции страны - Дальний Восток,

* Краткое изложение веберовских представлений о легитимном господстве, не связанном с внешним завоеванием, см. Hanson 1997: 9-13.

** На деле сам Копелев, филолог, свободно говорящий по-немецки, играл немалую роль в советской пропаганде военных лет в качестве майора Красной армии [Voel, Korpelov 1981).

стр. 91

где Россия столкнулась с двумя сильными соперниками в лице Японии и Китая; однако в данном случае два соперника лучше, чем один, поскольку они могут вступить в конкуренцию друг с другом.

Настаивая на том, что "этничность следует за геополитикой", и исходя из "относительно благоприятных средне- и долгосрочных геополитических перспектив России", Коллинз и Уоллер делали однозначный прогноз: "Престиж могущества русского этноса по отношению к его этническим соперникам будет высоким" и потому "нам не следует ожидать значительной или даже какой-либо этнической фрагментации внутри страны" [Collins, Waller 1994: 107, 120]. Вместе с тем они особо оговаривали случай автономных республик, т.е. территорий, обладающих собственными политико- административными структурами. Эти территории могут стать исключением, но только при наличии трех условий: при "сравнительно высокой численности населения, преобладании среди коренных жителей нерусских народов и расположении на оконечности российской территории". В итоге оставались только три вероятных кандидата на отделение: Чечня, Тува и Северная Осетия (эти прогнозы были высказаны до начала войны в Чечне, разразившейся в ноябре-декабре 1994 г.). Согласно заключению Коллинза и Уоллера, "с [этими] минимальными оговорками, касающимися пограничных регионов с преобладанием нерусского населения, саму Россию в дальнейшем ожидает немного этнических сецессий" [Collins, Waller 1994: 121-122].

Прежде чем рассматривать возможную уязвимость тех исходных посылок, на которых Коллинз и Уоллер строят свой анализ, наверное, стоит оценить нарисованную этими авторами геополитическую картину на основе их собственных критериев. Наиболее существенным, вероятно, является вопрос о том, действительно ли геополитическое положение России столь надежно защищено, как им казалось, когда они оценивали его с позиций начала 1990-х годов. Подобно большинству наблюдателей, Коллинз и Уоллер не предвидели некоторых

ключевых событий, таких как расширение НАТО на восток и обсуждение перспективы последующего включения в члены альянса государств, имеющих общую с Россией границу; проведение НАТО, несмотря на решительные возражения со стороны России, войны в Югославии - первой в истории блока военной операции; экономический кризис августа 1998 г., сопровождавшийся резким падением курса рубля и дефолтом по долговым обязательствам страны. Хотя Коллинз и Уоллер прогнозировали серьезное сепаратистское движение в Чечне, они не предполагали, что две потребовавшие громадных жертв войны подрвут боеспособность и престиж вооруженных сил страны и еще больше затруднят ее экономическое выздоровление. Но если геополитическая позиция России намного слабее, чем ожидали Коллинз и Уоллер, тогда их "веберовская" модель предвещает дальнейшее снижение международного престижа могущества и углубление дезинтеграции РФ.

Российские лидеры, даже до прихода к власти Путина, действовали так, как будто вероятность подобного поворота событий весьма высока. Так, сразу после финансового кризиса августа 1998 г. назначенный Ельциным новый премьер-министр Е. Примаков всячески подчеркивал, что его "правительство должно в первую очередь уделять особое внимание сохранению России как единого государства... Мы стоим перед лицом серьезной угрозы дезинтеграции нашей страны" [цит. по Alexseev 1999: 2]. В январе 1999 г., предвосхищая риторику, к которой несколько месяцев спустя прибегнет Путин, Примаков потребовал "восстановления вертикальной структуры государственной власти, где все вопросы могли бы решаться совместно центром и местными властями", и настаивал на том, что сепаратистские тенденции "должны быть подавлены, ликвидированы и искоренены" [Evangelista 1999b]. Примаков находился на своем посту слишком недолго, чтобы реализовать эту повестку дня. Решение поставленных им задач пало на плечи его преемника В. Путина, который в августе 1999 г. вновь развязал жестокую войну против Чечни и, будучи избран президентом РФ в марте 2000 г., инициировал далеко идущую реформу системы взаимоотношений между центром и регионами.

стр. 92

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ПУТИНА

Следует ли Путин тому сценарию, который вытекает из геополитического подхода Вебера/Коллинза? И вообще, имеет ли смысл задаваться вопросом о политике какого-то конкретного лидера, если геополитическая теория делает упор на более или менее продолжительную временную перспективу? Подобно многим другим теоретическим проектам, коллинзовская геополитическая концепция содержит в себе противоречие между структурой и действующим субъектом. Основные детерминанты политического изменения, по-видимому, имеют долгосрочный структурный характер - функционирование экономики, военный потенциал,

численность населения, географический фактор, и обычно считаются устойчивыми по отношению к краткосрочному человеческому вмешательству. Однако усилия политических лидеров, направленные на корректировку неблагоприятных геополитических обстоятельств - к примеру, посредством заключения альянсов, - были включены в первоначальную модель Коллинза. Согласно его объяснению случая СССР, структурные затруднения вынудили Горбачева начать реформы внутри страны и сократить ее международные обязательства. Если бы эти инициативы способствовали укреплению высшей государственной власти, а не ее ослаблению и делегитимации, они, по-видимому, могли бы привести к смягчению структурно-геополитических трендов. Таким образом, геополитическая теория оставляет определенное место для учета фактора целенаправленной человеческой деятельности. Но если так, то стоит задуматься о том, что мог бы попытаться предпринять российский лидер типа Путина, если бы он рассматривал ситуацию в России сквозь призму геополитической теории Коллинза.

В теории Коллинза, хотя и не в ее первоначальной версии, которая была разработана еще до 1980 г., когда ученый приложил свою концепцию к Советскому Союзу, присутствовала одна структурная "переменная", в какой-то мере поддающаяся влиянию целенаправленной человеческой деятельности. В 1980 г. Коллинз предсказал, что СССР распадется на 15 составляющих его республик, поскольку официально они уже являются "автономными государствами, обладающими локальными механизмами управления" [Collins 1986: 204]. Но, по-видимому, то же самое относится и к РФ с ее 21 автономной республикой и другими "субъектами", в той или иной степени управляемыми собственной региональной властью. Согласно Коллинзу, российский лидер, стремящийся предотвратить дальнейшую дезинтеграцию страны, мог бы начать с уничтожения этой формальной структуры местной автономии. В данном отношении усилия президента Путина по установлению системы федеральных округов поверх 89 регионов-субъектов, если они нацелены на постепенное ослабление или ликвидацию самостоятельных локальных институтов, по-видимому, отвечают представлениям Коллинза о том, что должен делать лидер, старающийся смягчить долгосрочные геополитические тренды [обсуждение предложенных структурных изменений см. Шаров 2000; некоторые интерпретации путинских реформ см. Evangelista 2000; Solnick 2000; Petrov 2000; Alexseev 2000]. Это, однако, не означает, что путинские реформы действительно приведут к усилению целостности российского государства [Alexseev 2001].

Для Коллинза ключевым условием внутренней сплоченности является геополитический успех. Традиционно такой успех зависел от военной силы и благоприятной конфигурации географических факторов и союзнических связей. Так что успешные попытки укрепить отношения между Москвой и другими членами СНГ попадут в графу "прихода" в геополитическом "гроссбухе". В частности, предполагаемый союз Москвы и Беларуси, похоже, во многом предвещает укрепление престижа РФ, а следовательно, национальной целостности России и статуса русских как доминирующей этнической группы.

Однако даже в рамках в чем-то ограниченной геополитической системы Коллинза имеются два существенных препятствия к усилению престижа могущества и сплоченности России: состояние экономики и ситуация в Чечне. Сторонники любой геополитической теории признают, что сильная экономика - залог успеха экспансионистской внешней политики или, как минимум, что не-

стр. 93

обходимое для экспансии военное производство может способствовать оживлению народного хозяйства, которое в противном случае оставалось бы в состоянии застоя. Несмотря на то что Путин заявляет о поддержке мер по возрождению российской военной индустрии, он не направил на достижение этой цели все силы страны, как это сделала, например, гитлеровская Германия, добившаяся военного доминирования над своими соседями^{*}. Макроэкономические ограничения делают подобный курс крайне маловероятным [Kirshner 1998, 1999].

Столь же труднопреодолимым препятствием для сплоченности государства является конфликт в Чечне. Один из очевидных аспектов этой проблемы - слабая вероятность российской геополитической экспансии в условиях, когда федеральное руководство не контролирует свою собственную территорию. Другой - связан с гипотезой Коллинза о том, что экспансия укрепляет сплоченность государства, повышая статус доминирующей этнической группы. Военные действия в Чечне и, в частности, та их фаза, которая началась в 1999 г., привели к увеличению враждебности и неприкрытого расизма со стороны многих русских, а также к возникновению своеобразного эффекта "объединения под знаменем" поддержки военных усилий центрального руководства (в отличие от ситуации 1994 - 1996 гг.). Но могут ли подобные настроения быть конвертированы в национальное единство или способствовать усилению культурной идентификации нерусских граждан Федерации с этническими русскими? Было бы желательно получить больше данных на сей счет, ибо ответ на этот вопрос отнюдь не очевиден [обсуждение этих проблем см. Vujacic 1996].

Первоначальная реакция на возобновление войны в Чечне в конце лета 1999 г. и особенно на взрывы жилых домов в российских городах, видимо, была рассчитана на все что угодно, только не на укрепление национальной сплоченности. Российские власти отыгрывались на всех, кто имел "кавказскую внешность", выслав из одной только Москвы около 11 тыс. чеченцев. Наиболее оруэллинским эпизодом войны оказалась кампания, начатая московским мэром Ю. Лужковым и известная как "Операция 'иностранец'". Ради сохранения Чечни в составе России столица выбрасывала со своей территории российских граждан, имеющих российские паспорта, объявляя их иностранцами вследствие чеченского происхождения.

Избранный российским правительством метод убеждения Чечни остаться в составе Федерации был, мягко говоря, недальновидным. Российские самолеты бомбили чеченские города и села, десятки тысяч беженцев были вынуждены искать себе убежища за пределами своей республики, при том что войска препятствовали их проникновению в Россию. Хотя многие народы Северного Кавказа не испытывали особой любви к чеченцам, обвиняя их, по понятным причинам, в своих нынешних невзгодах, российские власти своими грубыми действиями по покорению Чечни умудрились восстановить против себя многих потенциальных сторонников.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Итак, даже если предположения Коллинза относительно того, что Россия попытается вновь утвердить свои геополитические позиции, не лишены оснований, на этом пути ее ждут серьезные препятствия. Вместе с тем идея о том, что Россия будет стараться осуществить геополитическую экспансию, проводится в его концепции чересчур жестко. Хотя страны в своей внешней политике преследуют множество различных целей, допущение, что бывшая великая держава или страна, претендующая на такую роль (вроде России), станет искать пути повышения собственного престижа могущества в международной системе, - не слишком большая уступка Коллинзу (и Веберу). Но если глав-

* Кажется вполне правдоподобным предположение о том, что в экономических отношениях со странами "ближнего зарубежья" Россия потенциально может воспроизвести линию поведения нацистской Германии на Балканах [Hirschman 1980; Kirshner, Abdelal 1999].

ная задача российской внешней политики - возвращение стране ее прежнего статуса великой державы, это отнюдь не означает, что она будет решать ее главным образом с помощью военного завоевания.

Т. Хопф в своем развернутом обзоре конкурирующих дискурсов идентичности и внешней политики в современной России выявил четыре особых подхода к "восстановлению великодержавного статуса России в мировой политической жизни": наращивание военной мощи, экономическое возрождение, утверждение великодержавного статуса через участие в международных институтах и воскрешение Советского Союза посредством воссоединения его бывших республик в имперское государство с центром в Москве [Hopf: ch. 6]. В коллинзовской системе второй подход - экономическое возрождение - был бы предпосылкой или закономерным следствием первого - усиления военной мощи. Четвертый - воссоздание Советского Союза - оказался бы шагом к геополитической экспансии. Что же касается третьей возможности - подтверждения великодержавного

положения через интеграцию в сеть международных институтов, - то она не находит отражения в модели Коллинза.

Но даже второй из выделенных Хопфом подходов, акцентирующий восстановление экономики, не обязательно должен трактоваться сообразно геополитическому понятию великодержавности. Многие сторонники этого подхода высказываются почти что в духе "нового мышления" горбачевской эпохи. По мнению одного из них, геополитика - это "понятие вчерашнего дня. России необходимо выстраивать свои национально-государственные интересы не в геополитических, а в социально-экономических категориях... 'Величие державы' определяется не количеством ракет, самолетов и танков, а темпами экономического роста, образовательным уровнем населения, качеством жизни, культурным влиянием, т.е. качественными, а не количественными характеристиками" [Пархалина 1999: 3].

Насколько представителен и влиятелен подобный антигеополитический взгляд на российские национальные интересы? Исчерпывающий ответ на этот вопрос зависит в первую очередь от того, мнение каких сил принимается во внимание при формировании внешнеполитического курса. Идентифицировать их непросто в любой стране, но, наверное, особенно сложно в сегодняшней России. У нас нет, в частности, оснований полагать, что непосредственное влияние на политику оказывает общественное мнение, однако результаты социологических опросов могут навести на определенные размышления. Приводимые ниже данные, к примеру, показывают, что большинство населения (и это не удивительно) волнуется прежде всего оживление национальной экономики, хотя около половины опрошенных приветствуют также усиление обороноспособности страны. При этом лишь треть респондентов высказывается за сохранение Россией статуса "великой державы".

Таблица 1

Задачи, наиболее соответствующие национальным интересам России (в %) *

Развитие отечественной промышленности	60
Усиление обороноспособности	47
Защита отечественного производителя	37
Сохранение Россией статуса "великой державы"	34
Развитие и укрепление связей с другими странами	31
Продвижение российских товаров на мировых рынках	24
Построение подлинно демократической, правовой системы управления	20
Создание открытой, конкурентной экономики	14
Упрочение в России централизованной системы власти	12

* Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа. *Источник:* Опрос ВЦИОМ от 23-26.02.2001, выборка 1600 чел. - Цит. по: Russia Watch, 2001, N 5.

стр. 95

Если, как следует из геополитической теории Коллинза, единственная надежда на сплоченность и будущую целостность РФ заключается в успешной военной экспансии, то тогда положение России выглядит довольно безнадежным - и с точки зрения материальных факторов, и в плане народной поддержки. Но, возможно, коллинзовское объяснение источников престижа могущества и поддержки, которой пользуется доминирующая национальная группа в мультиэтнической империи, является слишком узким. Как мы видели, сам Вебер, например, так полностью и не решил вопрос о соотношении между престижем могущества и престижем культуры, а его рассуждения об экономической мотивации государственно-политических организаций нашли слабое отражение в работах Коллинза.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Наделе и Вебер, и Коллинз признавали, что военная экспансия - не единственный источник национальной идентичности и сплоченности. Так, Вебер ссылается на пример нейтральной Швейцарии: когда речь идет о населении страны, при том что она раздроблена в языковом плане и не играет весомой роли в международной политике, понятие швейцарской нации оказывается вполне содержательным определением ее политического сообщества [Weber 1978: 922]. В качестве другого примера Коллинз приводит кажущуюся аномалию в лице Италии, на протяжении большей части своей истории не имевшей государства (или имевшей слишком много таковых), но при этом несомненно обладавшей общей идентичностью. Узбек, один из персонажей "Персидских писем" французского писателя и философа Ш. Монтескье, писал об Италии, что она "разделена на бесчисленное множество мелких государств, правители которых, по правде говоря, мученики власти. У наших славных султанов больше жен, чем у некоторых из этих государей - подданных" [Монтескье 1988: 180]. И все же во времена Монтескье, т.е. примерно за полтора столетия до объединения Италии, существовало нечто, называвшееся Италией, которое могло быть опознано путешественником (в данном случае вымышленным) с Востока. Объясняя данный феномен, Коллинз, похоже, отходит от обычной для него сосредоточенности на военных факторах: "В эпоху Ренессанса и последующие столетия единая итальянская идентичность подкреплялась всеевропейским престижем общих для всего полуострова институтов, производящих культуру" [Collins 1999b: 90]*. Таким образом, согласно этому предположению, нация может обрести собственное лицо за счет международно признанного престижа культуры.

В другом месте, обсуждая работы Вебера по легитимности и империализму, Коллинз указывает на возможность существования "внутригосударственных эквивалентов войны, способных породить национальную легитимность". Он полагает, что "внутренняя легитимность властной структуры возникает" и в случае появления внутренних врагов, угрожающих насильем политическому сообществу. К их числу Коллинз относит классовых недругов, религиозных еретиков и преступность [Collins 1986: 160-161]. Он не упоминает в качестве потенциальных противников этнические меньшинства - вероятно, потому, что режим, который попытался бы предать позору этнически Иных, неизбежно обрек бы на неудачу собственные усилия по достижению национальной сплоченности и ассимиляции меньшинства в доминирующую этническую группу. Вместе с тем поведение некоторых русских политиков, называющих врагами преступность и социальный беспорядок и при этом увязывающих такого рода явления с конкретными этническими группами с Кавказа, по-видимому, отвечает логике теории Коллинза/Вебера. Укрепят ли подобные меры легитимность российской власти - вопрос пока открытый.

* В действительности есть основания полагать, что люди, жившие на Апеннинском полуострове, во многих отношениях еще не сознавали общей идентичности и уж во всяком случае вплоть до объединения в 1861 г. не говорили на одном языке [см. Lyttelton 1996, Lepschy et al. 1996].

стр. 96

Курс на демонизацию чеченцев как на способ достижения национального единения всех иных групп российского населения порождает одну очевидную проблему. Предположим, что внутренняя сплоченность государства действительно связана с его внешним престижем, как то утверждают Вебер и Коллинз. Но чеченская политика России неминуемо наносит ущерб международной репутации страны [Mendelson 2000; Zisk 2000]. Безусловно, западная критика действий России в Чечне в чем-то своекорыстна, основана на двойном стандарте, а быть может, просто отражает, говоря словами А. Ливена, закоренелую "русофобию" [Lieven 2000]. Но все это не означает, что нам следует согласиться с заключением Ливена, что Запад снисходительно относится к беспорядочным бомбардировкам Россией городских районов, поскольку "ряд западных государств, включая Соединенные Штаты, в определенных ситуациях действовали точно так же и не исключено, что им придется действовать так снова". Ливен вставил эти слова в доклад Фонда Карнеги за международный мир^{*}, но вряд ли найдется много других заинтересованных в поддержании мира и правах человека неправительственных организаций, готовых под ними подписаться [An Agenda for Renewal 2000: 35]. Даже если предположение А. Гольца, что российское военное руководство лишь последовало примеру США, стараясь минимизировать риск для своих солдат, справедливо, это не оправдывает подобные действия [Гольц 1999: 12-14]. Следуя стандартам, установленным другими странами, виновными в масштабных военных

преступлениях, и решив, что по сравнению с ними она выглядит не так плохо, Россия не добьется в XXI в. международного престижа.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Геополитическая теория, которую выстраивает Коллинз, отталкиваясь от работ Вебера, связывает внутреннюю сплоченность с внешней геополитической экспансией. Согласно этой теории, экспансия, базирующаяся на военной мощи, усиливает международный престиж могущества государства. Вдохновленные достижениями своих лидеров, подданные мультиэтнической империи проявляют большую готовность к ассимиляции в доминирующую этническую культуру, что способствует укреплению целостности государства. Но, как мы видели, надежды на возрождение России в качестве крупной военной державы и ее территориальное расширение не вполне обоснованы.

Не исключено, что самый реальный шанс Путина укрепить целостность РФ связан с проведением политики, которая обычно получает наибольшую поддержку в опросах общественного мнения, т.е. нацеленной на оживление отечественной экономики. Россия может также ориентироваться на восстановление своего международного авторитета в сферах образования, культуры и технологии (подобный невоенный путь к мировому престижу признают даже Вебер и Коллинз), но для успеха на этом поприще тоже требуется улучшение положения в экономике. Политическая линия и Горбачева, и Ельцина заключалась в том, чтобы без особых затрат войти в мировое сообщество на равных с Соединенными Штатами и Европейским Союзом, однако ее результаты оказались неутешительными. Более жесткий по отношению к России курс новой администрации Буша делает такую стратегию еще менее перспективной **.

Тем не менее отсутствие геополитических успехов, подъема экономики или других международно признанных достижений не обязательно обрекает Россию на дальнейшую дезинтеграцию. В этом смысле приписываемое Путину

* Ливен считается одним из нескольких авторов этого документа, однако при обсуждении чеченской проблемы там во многом воспроизводятся его взгляды и формулировки из цитировавшегося выше эссе.

** Статья была представлена еще до предполагаемого поворота в российско-американских отношениях, наступившего после начала антитеррористической кампании в Афганистане. - *Пер.*

высказывание, что "либо Россия будет великой, либо ее вовсе не будет" *, возможно, эффектное в плане политической риторики, во всех иных отношениях

звучит неубедительно. У страны есть немало шансов удержаться на плаву, особенно если Путин не станет слишком активно ремонтировать систему "асимметричного федерализма", которая, возможно, и помогла РФ избежать судьбы Советского Союза [Treisman 1999; Evangelista 1999; Alexseev 2001]. Наконец, свой вклад в сохранение единой России могли бы внести Соединенные Штаты и другие страны, постаравшись возродить относительно теплую атмосферу в сфере безопасности, которая установилась, правда на очень короткое время, с окончанием холодной войны. Эта рекомендация вытекает из геополитического анализа Коллинза [Collins, Waller 1994], но она имеет смысл даже в случае его ошибочности.

Гольц А. 1999. Считать мы стали раны, товарищей считать. - *Итоги*, 12.10.

Горбачев М.С. 1995. *Жизнь и реформы*. Т.1. М.

Дерлугьян Г.М. 2000. Крушение советской системы и его потенциальные следствия: банкротство, сегментация, вырождение. - *Полис*, N 2, 3. (Derluguain G.M. 2000. The Process and Prospects of Soviet Collapse: Bankruptcy, Segmentation, Involution. - Derluguain G.M, Greer S. (eds.) *Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World- System*. Westport.)

Коллинз Р. 2000. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса. - *Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке*. Новосибирск.

Копелев Л.З. 1991. *Утоли моя печали. Мемуары*. М. (Kopelev L. 1983. *Ease My Sorrow*. N.Y.)

Монтескье Ш. 1988. *Персидские письма*. Элиста. (Montesquieu Ch. 1966. *Lettres Persanes*. P.)

Пархалина Т. 1999. Реальные результаты и мнимые выгоды. - *Независимая газета*. 4.06.

Третьяков В. 2001. Why do we need Mr. Putin (I): Президентские выборы, год спустя, за три года до. - *Независимая газета*, 23.03.

Шаров Ю. 2000. Российский федерализм: начаты структурные изменения. - *Федерализм*, N 3 (19).

Alexseev M.A. 1999. Challenges to the Russian Federation. - Alexseev M.A. (ed.) *Center-Periphery Conflict in Post-Soviet Russia: A Federation Imperiled*. L.

Alexseev M.A. 2000. The Unintended Consequences of Anti-Federalist Concentration in Russia. - *PONARS Memo*, N 117 (http://www.csis.org/rusenta/ponars/policymemos/pm_0117.pdf).

Alexseev M.A. 2001. Decentralization Versus State Collapse: Explaining Russia's Endurance. - *Journal of Peace Research*, vol. 38, N 1.

An Agenda for Renewal: US-Russian Relations, A Report by the Russian and Eurasian Program of the Carnegie Endowment for International Peace. 2000. Washington.

Amalrik A. 1970. *Will the Soviet Union Survive Until 1984?* N.Y.

Boell H., Kopelew L. 1981. *Warum haben wir aufeinander geschossen?* Bornheim-Merten.

Bunce V. 1985. The Empire Strikes Back: The Transformation of the Eastern Bloc from a Soviet Asset to a Soviet Liability. - *International Organisation*, vol. 39.

Carrere d'Encausse H. 1978. *L'Empire eclate: La revolte des nations en U.R.S.S.* P.

Collins R. 1978. Some Principles of Long-Term Social Change: The Territorial Power of States.

- *Research in Social Movements, Conflicts and Change*, vol. 1. Collins R. 1986. *Weberian Sociological Theory*. Cambridge. Collins R. 1999a. The Geopolitical Basis of Revolution: The Prediction of the Soviet Collapse.

- Collins R. *Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run*. Stanford.

Collins R. 1999b. "Balkanization" or "Americanization": A Geopolitical Theory of Ethnic Change. - Collins R. *Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run*. Stanford.

Collins R., Waller D.V. 1994. The Geopolitics of Ethnic Mobilization: Some Theoretical Projections for the Old Soviet Bloc. - Moore J.H. (cd.) *Legacies of the Collapse of Marxism*. Fairfax.

Collins R., Waller D. 2000. Predictions of Geopolitical Theory and the Modern World-System.

- Derluguain G.M, Greer S. (eds.) *Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System*. Westport.

Evangelista M. 1999a. *Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War*. Ithaca, NY.

Evangelista M. 1999b. Russia's Fragile Union. - *Bulletin of the Atomic Scientists* vol. 55, N 3 (<http://www.bullatomsci.org/issues/1999/mj99evangelista.html>).

* С точки зрения В.Третьякова, такое величие следует понимать в контексте "рыночной экономики, демократической системы и материального благополучия населения" [Третьяков 2001].

стр. 98

Evangelista M. 2000. Russia's Path to a New Regional Policy. - *PONARS Memo*, N 157 ([http://www.csis.org/rusenta/ponars/policymemos/prriJ\)157.pdf](http://www.csis.org/rusenta/ponars/policymemos/prriJ)157.pdf)).

Garthoff R.L. 1994. *Detente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington.

Hanson S. 1997. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. Chapel Hill.

Hanson S. 1999. Ideology, Interests and Identity: Comparing Secession Crises in the USSR and Russia. - Alexseev M.A. (ed.) *Center-Periphery Conflict in Post-Soviet Russia: A Federation Imperiled*. L.

Hirschman A.O. 1980. *National Power and the Structure of Foreign Trade*. Berkley, CA.

Hopf T. 1993. Getting the End of the Cold War Wrong: A Response to John Lewis Gaddis. - *International Security*, vol. 18, N 2.

Hopf T. *Identity and the Construction of World Politics*.

Kennedy P.M. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1950 to 2000*. N.Y.

Kirshner J. 1998. Political Economy in Security Studies after the Cold War. - *Review of International Political Economy*, vol. 5, N 1.

Kirshner J. 1999. The Political Economy of Realism. - Kapstein E., Mastanduno M. (eds.) *Unipolar Politics: Realism and State Strategies After the Cold War*. N.Y.

Kirshner J., Abdelal R. 1999. Strategy, Economic Relations, and the Definition of National Interests. - *Security Studies*, vol. 9, N 1.

Lieven A. 2000. Through a Distorted Lens: Chechnya and the Western Media. - *Current History*, Oct.

Lepschy A. L., Lepschy G., Voghera M. 1996. Linguistic Variety in Italy. - Levy C. (ed.) *Italian Regionalism: History, Identity and Politics*. Oxford.

Lyttelton A. 1996. Shifting Identities: Nation, Region and City. - Levy C. (ed.) *Italian Regionalism: History, Identity and Politics*. Oxford.

Mendelson S. 1998. *Changing Course: Ideas, Politics, and the Soviet Withdrawal from Afghanistan*. Princeton.

Mendelson S. 2000. Explaining the International Community's Response to the War in Chechnya. - *PONARS Memo*, N 143
(http://www.csis.org/rusenta/ponars/policymemos/pm_0143.pdf).

Petrov N. 2000. Broken Pendulum: Recentralization under Putin. - *PONARS Memo*, N 159 (<http://www.csis.org/rusenta/ponars/policymemos/pm0159.pdf>).

Solnick S. 1998. *Stealing the State: Control and 'Collapse in Soviet Institutions*. Cambridge. Solnick S. 2000. The New Federal Structure: More Centralized, or More of the Same? - *PONARS Memo*, N 161
(http://www.csis.org/rusenta/ponars/policymemos/pm_0161.pdf).

Treisman D.S. 1999. After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor.

Vujacic V. 1996. Historical Legacies, Nationalist Mobilization, and Political Outcomes in Russia and Serbia: A Weberian View. - *Theory and Society*, vol. 25, N 6.

Waller D.V. 1992. Ethnic Mobilization and Geopolitics in the Soviet Union: Towards a Theoretical Understanding. - *Journal of Political and Military Sociology* vol. 20, N 1.

Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 2. Berkeley, CA. Zimmerman W. 1969. Soviet Perspectives on International Relations, 1956 - 1967. Princeton, NJ. Zisk K.M. Human Rights Violations in Chechnya: Implications for Western Assistance to Russia. - *PONARS Memo*, N 142
(http://www.csis.org/rusenta/ponars/policymemos/pm_0142.pdf).

Перевод с английского Б.В. Межуева